

Алексей Митрофанов
Архангельск

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Архангельск. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Архангельск. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909444-5

Это интереснейший город с ярчайшими традициями — архитектурными, языковыми, музейными, этнографическими, кулинарными. Город полон загадок и прелюбопытных историй. Почему, например, его жители зовутся не архангельцами, не архангельчанами, а архангелогородцами? Мы же не говорим: «тулагородцы», «тверьгородцы», «таганроггородцы».

ISBN 978-5-44-909444-5

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Набережная Северной Двины	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Архангельск

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-9444-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Архангельск популярен у туристов как бы исподволь. Туристы больше ездят в Каргополь, Онегу, на Кий-остров и, конечно же, на Соловки. Но для этого они сначала попадают все-таки в Архангельск. Гуляют по городу, любуются особенным северным небом, покупают книги о диковинках архангельской земли, ужинают в ресторане, ночуют в гостинице, а на следующий день отправляются дальше.

Но Архангельск – это все-таки не перевалочная база и не привокзальный зал для ожидания. Это интереснейший город с ярчайшими традициями – архитектурными, языковыми, музейными, этнографическими, кулинарными. Город полон загадок и прелюбопытных историй. Почему, например, его жители зовутся не архангельцами, не архангельчанами, а архангелогородцами. Мы же не говорим: «тулагородцы», «тверьгородцы», «таганроггородцы». А дело в том, что город по первоначально назывался отнюдь не Архангельском, а Архангельским городом. Впоследствии его переименовали, а жителей не стали переименовывать.

Или вот еще загадка. Почему на одной из главных улиц стоит старый английский танк? Оказывается, тот танк – трофейный, и его подарил городу Клим Ворошилов.

Для чего в центре Архангельска создают полностью деревянную улицу? А дело в том, что именно этот материал был до недавних пор тут самым популярным. Один мемуарист, некто Николай Шапов, даже писал об Архангельске: «Деревянная полоса между рекой и болотом».

При всей жесткости этого определения он был, в общем, прав. Северный край суров и неприютен. Но есть в нем маленькая деревянная уютная полоска, где можно с удовольствием провести время.

История этого поселения начинается в 1583. Именно тогда на месте современного Архангельска была основана крепость Новый город (впоследствии она называлась Новый Холмогорский город и Новые Холмогоры). Заселялся этот город большей частью крепостными (по своей собственной воле мало кто хотел бы оказаться в столь суровом месте). Жителям Нового города предоставлялись различные льготы (главная – освобождение от государственных податей на целых пять лет). Но и ограничения у них существовали. В частности такие: «Корчемного питья, блудных женщин и лихих людей у себя не держати, и никаким воровством не заниматься, а с немцы с приезжими не дружити и товаров у них заморских при встречах и в городе том не покупать».

Единственное преимущество этого места – именно, торговля с иностранцами – делалась заповедным плодом.

В 1613 году Новые Холмогоры переименовали в Архангельский город. Ко тому времени он уже привлекал внимание исследователей. В частности, историк С. Ф. Огородников писал о нем в то время: «Город Архангельский, деревянный, на реке на Двине, рублен в две стены, мазан глиною, а у города трое ворот; на воротах башня, а в воротах две пищали железные... две пушечки скорострельные, железные, дробовые; ворота Воскресенские, а на воротах башня, а в воротах пищаль железная, немецкая, пушечка скорострельная, железная; ворота Покровские, водяные, к реке Двине, а на воротах пищаль полуторная, медная, полковая. На городе ж

башня, Спасская, наугольная, на ней в среднем бою пищаль железная, немецкая; башня Вознесенская, наугольная, на ней в среднем бою пищаль медная, полуторная».

А вскоре иностранцы – те, с которыми обычным обывателям поначалу запрещалось вовсе торговать – практически монополизировали здешнее коммерческое пространство. Русские купцы даже послали в 1646 году жалобу царю Алексею Михайловичу: «И товары они стали привозить хуже прежних, сговорясь заодно, а как придут торговать на ярмонку к Архангельскому городу, то наших товаров покупать не велят, а заморским товарам цену держат большую, чтобы нам-де у них ничего не купить и вперед на ярмонку не ездить... Да они же, немцы, похвалятся, что мы-де сделаем то, что московские купцы настоят в деньгах на правеж, да и вперед заставим их торговать лаптями, тогда забудут они у нас перекупать товары».

Пришлось вводить ограничения для иностранцев. Только с осторожностью и с оговоркой обывателям «привет держать к англичаны, дабы их не отогнать».

Город, однако, развивался темпами невиданными – в первую очередь благодаря своему порту, а значит, обилию все тех же иностранных торговцев. В 1666 году здесь даже выстроили лютеранскую кирху – специально для нужд иностранных купцов. А спустя год Архангельск практически полностью уничтожается грандиозным пожаром. Но быстро отстраивается заново – иностранные негоцианты полюбили это место, да и коренные жители не слишком-то хотели искать счастья на другой земле.

Иностранцы, разумеется, не уставали удивляться самобытным русским контрагентам. Один из них, Кунрад фан-Кленк, нидерландский посол, в 1675 году встал здесь на рейде, а затем писал: «Мы видели различные суда русских, которые они называют карбасами. Мы высадили шлюпку, и наш лейтенант с переводчиком фан-Аспероном отправились к ним, чтобы получить немного свежей рыбы, что и удалось сделать. Когда они пришли к ним, то русские вытащили свою сеть и предложили различные экземпляры трески и камбалу удивительной величины. Русские на своей лодке вместе с нашей шлюпкою отправились к нашему судну, пришли на борт и даже, по желанию его превосходительства посла, введены были в каюту, где они говорили с его превосходительством, который их угостил свежее испеченным пшеничным хлебом, сухарями, вином и водкою. Они получили от капитана немного денег, а мы от них приобрели 4 больших прекрасных трески и несколько камбал чрезвычайной величины; одна из них почти в 5 футов, а другая в 8 футов длины и 4 фута ширины.

Эти люди, когда им поднесли чарку водки, делали странные гримасы, наклоня голову и тело и много раз кладя на себя крест. Нам это было очень чудно смотреть. Они сильно жаловались, что в эту ночь их ограбило судно с пятью парусами... и они потеряли большую часть своей сети.

После угощения, придя в свое суденышко, русские много шумели и кувыркались, точно шары, через зад и голову».

Для россиянина – явление вполне обычное, и непонятно, что так удивило господина Кленка.

В 1684 году закончено строительство комплекса Гостиных дворов. А в 1688 году здешний городничий получил подробный перечень своих обязанностей: «Которые корабли учнут приходить с моря к двинскому Березовскому устью, и на устье, и на их кораблях у иноземцев и корабельщиков и у кормщиков тебе полковнику приказать корабельным вожам, чтобы они расспрашивали иноземцев накрепко про войну и моровое поветрие и про воровские корабли, и буде в их землях и в окрестных с ними государствах морового поветрия и войны нет, и им, вожам, те корабли в устье Двины реки к Архангельскому городу проводить по-прежнему без задержания. Самому б тебе полковнику с таможенными целовальниками вместе за Мосеев остров выезжать и на тех кораблях иноземцев самолично расспрашивать накрепко. И буде они скажут все благополучно, их под Архангельский город пропускать, а не расспрося их иноземцев с кораблей на берег не пушать.

Также и от Архангельского города те корабли по отпуску таможенному, на море им же, жокам велеть выходить по-прежнему. Да тебе ж полковнику у Архангельского города по Двине реке в судах ездить около кораблей и смотреть и беречь накрепко, чтобы корабельщики и кормщики, и их работные люди с кораблей в воду камня не метали и песку не сыпали, и тем корабельному ходу к пристани препятствий не делали.

Да тебе ж полковнику днем и ночью смотреть накрепко, чтоб русские люди на корабли к иноземцам с хлебными запасами и ни с какими другими товарами в судах не приезжали и утайкой не продавали, а у иноземцев чтобы русские люди табаку и питей и всяких заморских иных товаров на кораблях не покупали. Также и иноземцы чтоб в шняках от кораблей по сторонним рекам и протокам и по заостровьям не ездили и на пустых местах у русских людей хлебных запасов и никаких товаров утайкой не покупали. Для разъезду полковнику суда иметь у земских старост. А гребцами на полковничьих судах быть стрельцам... Следить, чтобы посадские и всяких чинов люди в слободах избы и мыльни, а в городе в караульных избах печи стрельцы топили с великим бережением, и те печи были бы крепкие, с напыльниками и заслонами железными, а трещин и продушин бы в печах не было. На всех дворах и на поварнях, и в анбарах и в лавках поставить кадки с водою и помела, чтобы пожар было чем гасить. Избы в летнее время в посадских и стрелецких слободах топить не давать, кроме особо указанных дней и ненастных дней. Бани все перепечатать и топить в летнее время не давать, кроме ненастных дней.

Пива без ведома начальства не варить, вин не курить и к вечеру с огнем поздно не сидеть. По улицам в ночи никакие б люди не ходили.

А буде твоим небрежением над казною в городе и в гостиных дворах учинится какое дурно, или случится пожар, или учнешь что делать не по Наказу, за то тебе, полковник, быть в великой опале, а целовальникам и стрельцам быть в жестоком наказании без всякой пощады».

В 1693 – основано архангельское Адмиралтейство. Годом позднее в городе построено первое судно – «Святой Павел».

Дальше – больше. В 1702 году Архангельск становится столицей Поморья (ранее эту роль играли Холмогоры). Спустя год здесь устраивают первое театральное представление («была в городе комедия у иноземца Ивана Антонова, на которой были воевода и прочие всякие люди, как мужи, так и жены, при которой брано по гривне с каждого человека»). В 1708 – образована Архангелогородская губерния. Правда, в 1780 Архангелогородская губерния снижает свой статус до Архангельской области и входит в состав Вологодской губернии. Но уже в 1784 создано Архангельское наместничество. Город вновь становится самостоятельным.

В 1794 году принят регулярный план застройки Архангельска. А в 1796 – учреждена Архангельская губерния. Архангельск получает статус губернского города, который, по сути, сохранил по сей день.

В 1862 году в Архангельске произошло довольно важное событие. Он стал абсолютно мирным городом – были упразднены военный порт и казенная верфь, до того постепенно приходившие в упадок. Н. А. Качалов, губернатор, так писал об этом: «К величайшему сожалению, все казенные мастерские Архангельского порта уничтожены, мастерские распущены, здания и запасы материалов распроданы, но, может быть, часть всего этого можно приобрести обратно, ежели приступить без потери времени. Ежели правительство найдет неудобным устроить мастерские и все пособия от порта для иностранных судов на свой счет, то не признает ли возможным оказать пособие и содействие частным предпринимателям?»

Продолжали, опять таки, досаждают иностранцы. Тот же Качалов сетовал: «Воды как около Мурмана, так и Зимнего берега и Новой Земли, принадлежащие России, не охраняются, и потому иностранные ловцы ловят рыбу и промышляют зверей беспрепятственно и в ущерб промышленникам... Все эти неудобства могут быть устранены единственно постоянными объ-

ездами берегов моря и океана, для чего необходимо серьезное паровое судно, которое бы находилось в распоряжении Архангельского губернатора».

Жалобы Качалова слышали, ему был предоставлен крейсер. Но у крейсера были еще и другие задачи, в частности природоразведательные. Промыслы иностранцев продолжались.

То был не лучший период в истории города. В 1884 году другой здешний губернатор, Н. М. Баранов писал: «Да, недавно то было время, благодаря которому и теперь внутри России при названии Архангельской губернии у большинства русских людей является понятие о крае с неисчерпаемыми богатствами, а между тем, на что ни оглянись, везде уже видна другая картина.

В Архангельске, как на кладбище, виднеются там и сям памятники о его старом значении, о его прежней широкой и полезной для государства деятельности: опустелые дома так недавно еще работавших торговых фирм, разваливающиеся заводы и набережные, фундаменты эллингов и верфей, почти заброшенные монументальные здания Морского ведомства. И там, где прежде с таким успехом для русской торговли из русского леса русские мастера строили ходкие корабли, теперь мы видим иностранные суда, приходящие обогащаться в наших водах китовым и рыбным промыслами».

Увы, упадки неизбежны в истории любых цивилизаций, а тем паче городов. Но уже в 1887 году в городе открыт завод по ремонту морских паровых винтовых судов (ныне завод «Красная кузница»). В 1897 году начато железнодорожное сообщение с Москвой. В 1905 – основан Архангельский биржевой комитет. Город будто бы переживает ренессанс.

Один из современников, Илья Бражнин описывал его: «Архангельск был в начале века одним из крупнейших морских и речных портов России и единственным на севере ее. При этом некоторые черты местной жизни отличали его, как особый, своеобразный город, во многом несхожий с другими городами России.

Это был светлый, с долгими белыми ночами городок, с немощеными, пыльными, но прямыми улочками и деревянными мостками-тротуарами в три-четыре дощечки. Кроме губернаторского дома, примыкавших к нему, так называемых, присутственных мест, городской думы, гимназии и подворья какого-то монастыря, каменных домов в Архангельске почти не было. При этом подавляющее большинство каменных домов стояло на главной городской магистрали – на Троицком проспекте, ныне проспекте Павлина Виноградова.

Кроме Троицкого проспекта, было в городе еще четыре других – Псковский или Средний (ныне проспект Ф. Чумбарова-Лучинского), Петроградский (ныне проспект М. Ломоносова), Новгородский и Костромской (ныне проспект Космонавтов). Все эти пять проспектов точно следовали изгибам береговой линии и пересекались вертикально небольшим количеством улиц, ни одна из которых, за исключением Северодвинской и Вологодской, не сохранила прежнего названия.

За последним проспектом – Костромским – уже ничего городского не было: никаких строений. Были, так называемые, Мхи, то есть низменная, болотистая, поросшая можжевельником и папоротником местность, и дальше лес. На Мхах и в лесу мы, городские мальчишки, летом и осенью собирали морошку, голубику, клюкву.

Вдоль реки перед проспектами тянулась, как и сейчас, длинная-предлинная набережная с бульварчиком, с ветхими перильцами и аллейкой из берез в районе Немецкой слободы».

Но революционные события, увы, не обошли Архангельск. Правда, вскоре после революции, в 1918 году город был захвачен английскими, американскими и французскими интервентами. А в 1920 – вновь захвачен большевиками. До сих пор непонятно, как именно сложилась бы судьба архангелогородцев, удержи там интервенты власть.

Но сложилось так, что город разделил участь России. 1929 году Архангельск становится центром Северного края. В 1936 – центром Северной области. В 1937 – центром Архангельской области. Дальше – все более-менее понятно.

Мы приглашаем совершить пешее путешествие по улицам Архангельска. Города, про который голландский путешественник Корнелий де Бруин сказал три сотни лет тому назад: «Улицы здесь покрыты ломаными бревнами... В городе множество полусгоревших домов... В продолжение зимы в... церквах служение не совершается по причине весьма жестокого холода в них».

Города, в котором вполне себе всерьез существовал культ дерева. Чего стоит лишь традиция «рождественского полена». Накануне рождества архангелогородец в обязательном порядке приносил к себе домой полено и поджигал его. Праздник продолжался двенадцать дней. Все эти дни полено должно было гореть. Потухнет – жди беды. Каждый вечер свежий пепел от полена разбрасывали по двору. По окончании же праздника полено, наконец, тушили, но не выбрасывали, Боже упаси. Его клали под кровать до следующего рождества. Весь год недогоревшее полено охраняло жилище от пожара и молнии, то есть, от гибели в огне. Когда же снова наступало Рождество, это полено дожигали вместе с новым.

Того самого города, про который еще один поморский сказочник, Борис Шергин говорил: «Резьба и расцветка... применялись очень скупно и редко. Здесь поражала красота архитектурных пропорций, богатырские косяки дверей и окон, пороги, лавки, пропорции углов, розоватость лиственничных стен». «При закладке дома сначала утверждали окладное бревно. В этот день пиво варили и пироги пекли, пировали вместе с плотниками. Этот обычай называли „окладно“. Когда стены срубят до крыши и проложат потолочные балки, „матицы“, опять плотникам угощение: „матешно“. И третье празднуют – „мурлаты“, когда стропила под крышу подводят. А крышу тесом закроют, да сверху князево бревно утвердят, опять пирогами с домашним пивом плотников чествуют, то есть „князево“ празднуют».

Города, в котором из дерева делали не только жилые дома и православные храмы, но даже мечети, англиканские церкви, театры и административные здания.

А безвестный куплетист из местных сложил стишок:

Как в Архангельске дороги —
Поломаешь руки-ноги.
Метр идешь, а десять скачешь,
А потом неделю плачешь.

Но качество дорог не умаляет очарования Архангельска.

Набережная Северной Двины

Еще сравнительно недавно эта набережная имела имя. Она звалась Набережной имени Владимира Ильича Ленина. Теперь ее переименовали. Просто в набережную Северной Двины.

Эта набережная – пожалуй, главная архангельская улица. Не удивительно, ведь Двина – главная достопримечательность и главное достояние города. Один из основных в судьбе Архангельска указов так и назывался «Указ на Двину». А направлен он был Двинскому воеводе князю А. П. Прозоровскому. Написан он был в 1700 году. Автор же, как не трудно догадаться – Петр Первый: «В будущем у Архангельского города и на Холмогорах иметь во всем великое бережение и осторожность. По городам велеть днем и ночью быть стрельцам с ружьем на караулах непрестанно. Про всякие немецкие вести провеживать всевозможными средствами накрепко. А что каких вестей проведуют, о том писать в Новгородский приказ к великому государю с нарочным гонцом, смотря на важности вестей.

По крепостям, по воротам и по башням наряды выставлять, пушкарей, затинщиков и стрельцов расписать и место им указать. Города привести в порядок, а которые места у города ветхи и без починки им пробывать никак нельзя, те худые места осмотреть и сметить, во что починка тех худых мест станет, и о том к великому государю писать и сметную роспись прислать в Новгородский приказ.

На крепостях катки и камень, и колье дубовое, заостря, велеть изготовить и всякие ратные припасы для осадного времени чтоб всегда были готовы».

И так далее, так далее, так далее.

Борис же Шергин так описывал особенности архангельской географии: «Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море. В море долги и широки пути, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег... Глубина океана – страшна, немерна, и будет столь светла, ажно и рыбы ходящие видно.

Полуночная наша страна широка и дивна. С востока привержена морю Печора, с запада земли Кемь и Лопь, там реки рождают золотой жемчуг.

Ветер стонет, а вам – не печаль.

Вихри ревут, а вам – не забота. И не страх вам туманов белые саваны... Спокойно вам, дети постановных матерых берегов; беспечально вы ходите плотными дорогами».

Писал об этом и Илья Бражнин: «Полуторакилометровый в ширину у Архангельска и безмерный в длину первозданный пласт ее может быть то хмуро-свинцовым, то улыбочиво-серебряным, то угрюмо-черным, то розово-солнечным. Река, как она вспоминается мне, то бывала заставлена сплошь рыболовецкими шхунами то прикрыта тягуче медлительными вереницами плотов, то просторно пустынна и ясно спокойна. Но, разъярясь, Северная Двина становилась страшна и беспощадна.

Я видел, как в осенний сентябрьский шторм она почтя начисто уничтожила Архангельский яхтклуб, часть судов разметав, часть разбив в щепы.

Я помню, как однажды в шторм на Северной Двине во время неудачного маневра парусом меня метнуло вместе со шлюпкой под высокую свайную пристань и, сломав мачту, затопило мое суденышко.

Я сам был свидетелем, как в лодке, в которой мы прошли на веслах двадцать с лишним километров, к концу пути, когда разразилась внезапная буря, товарищ мой, сидевший на руле, не мог удержать рвавшегося из рук румпеля, а один из пассажиров заболел морской болезнью... Большая вода Северной Двины опасна чертовски, но и чертовски хороша. Серьезная река – Северная Двина. Неповторимая река.

Вода здесь, в Архангельске гораздо больше, чем просто вода.

* * *

Первая достопримечательность находится еще до начала набережной Северной Двины. Это так называемая «Майская горка» – старое место народных гуляний архангелогородцев. В первую очередь – первомайских гуляний. От того и название.

В 1847 году историк М. Истомина сообщал: «Приближаясь к предместьям города, увидишь небольшой холм. Знай, что это любимое место загородного гулянья при встрече лета... Жители Архангельска любили повеселиться здесь 1 мая... С этого холма открывается привлекательный вид: с одной стороны раскинулась широкая равнина реки, на ней вдали мелькают белые паруса... С другой раскинулось бесконечное болото, поросшее мхом и опушенное мелким кустарником... По зеленому лугу, ровному и гладкому, ходили взад и вперед нарядные толпы гуляющих... А между ними группы людей беззаботно сидели на траве подле скатертей, уставленных всевозможными лакомствами. А в середине пыхтит и шипит самовар необходимая принадлежность всякого загородного гулянья. Смех, говор и веселые крики пирующих, сливаясь в один неясный гул, далеко разносятся по окрестностям».

Начать же прогулку по, собственно, набережной, лучше всего с памятника Михаилу Ломоносову. Это – старейший монумент Архангельска, он был открыт в 1832 году. Правда, первоначально статуя располагалась совсем в другом месте – на нынешней площади Ленина. Здесь же, перед зданием Технического университета, она появилась лишь в 1930-е.

Изваял ее знаменитый скульптор Мартос, автор московского памятника Минину и Пожарскому. Сам он писал: «Для составления моего монумента подала мысль, почитаемая лучшим творением Ломоносова ода одиннадцатая: «Вечернее размышление о божием величестве, при случае великого северного сияния»... Положение фигуры выражает изумление, которым поражен он, взирая на великое северное сияние. В восторге духа своего поэт желает воспеть величие божие и принимает лиру, подносимую гением поэзии. Вот минута, изображенная для статуи Ломоносова, минута вдохновения, произведшая бессмертные стихи:

...Песчинка, как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом, как перо, огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен».

Вдохновлялся той «минуткой» и сам Мартос.

Открытие было торжественным, масштаба российского. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Собравшиеся организованно прошествовали к памятнику от кафедрального собора. Там в присутствии большого числа горожан, представителей всех сословий, произносились речи, учащиеся читали свои стихи, играл оркестр Архангельского порта, были исполнены положенная на музыку ода М. В. Ломоносова „Хвала всевышнему владыке“ и специально сочиненный кант. Вечером пьедестал памятника и ступеньки под оным были иллюминированы».

Первоначально памятник поставили на Ломоносовском лугу, (название, впрочем, возникло одновременно с открытием статуи). Но довольно быстро стало ясно: поставили не там, где следовало. «Архангельские губернские ведомости сообщали, что памятник «расположен весьма неудобно, на низкой, болотистой площади, в стороне от главной линии городского сообщения. Для проходящих и проезжающих по Троицкому проспекту памятник теряется вдали, и подойти к нему ближе нельзя ни зимою, ни в большую часть лета. Зимою площадь занесена снегом, в начале и конце короткого лета она непроходима, как болото».

Памятник в результате был перенесен, о чем ни разу и не пожалели. Больше того – памятник прижился, сделался местом всякого рода торжественных актов. В том числе связанных с именем самого великого русского ученого. В частности, в 1911 году во время празднования 200-летия со дня рождения Ломоносова, именно здесь проходило главное светское действо (главное духовное, конечно же, в соборе, кафедральном). На нем присутствовали делегации от городских училищ, приходских училищ, первой и второй женской гимназии, епархиального училища, мужской гимназии, реального училища, духовной семинарии, духовного училища, учительской семинарии, технического училища и мореходного училища, а также вольно-пожарной дружины. Не говоря уж об отцах Архангельска и представителях различных ведомств.

Действо было расписано старательно и скрупулезно: «На Ломоносовской площади участники шествия располагаются так:

Войска растягиваются по середине Троицкого проспекта от угла здания мужской гимназии до угла здания женской гимназии.

Вольно-пожарная дружина по середине Полицейской улицы против здания Думы.

Учащиеся при входе на Ломоносовскую площадь заходят со стороны здания Губернских Присутственных мест и становятся кругом ограды памятника, но не заходя на Троицкий просп.; против памятника на Троицком просп. помещаются представители ведомств и гласные Думы, свободные места на площади занимают гражданами.

Во время распределения участников на площади военный оркестр играет Преображенский марш.

Затем особая делегация в лице губернатора И. В. Сосновского, Городского Головы Я. И. Лейцингера и Председателя Ломоносовской комиссии А. Г. Суровцева возложит на памятник М. В. Ломоносова венок и в это время оркестр Пожарного О-ва будет играть «Коль Славы».

По окончании церемонии возложения венка, гласный Думы С. С. Александров прочтет стихотворение, посвященное памяти Ломоносова.

Этим актом кончается чествование у памятника.

В 4 часа открывается читальня имени М. В. Ломоносова в II части города в д. Александрова, в 5 часов такая же читальня в I части по Кеврольской ул., в д. Разумовского.

В 7 часов вечера в зале Городской Думы будет открыто торжественное собрание.

Вход по билетам».

Распорядок собрания также был регламентирован:

I отделение.

1. Памяти великого земляка. Речь А. Г. Суровцева.

2. Кантата в честь Ломоносова. Слова К. А. Иванова, муз. П. А. Самойловича. Исп. хор и оркестр под управлением автора.

3. Приветствия ученых обществ.

4. Утреннее размышление. Стих. М. В. Ломоносова.

5. Вечернее размышление. Стих. М. В. Ломоносова.

6. Литературная деятельность М. В. Ломоносова. Речь В. И. Мазюкевича.

Антракт 15 минут.

II отделение.

1. Кантата на слова оды Ломоносова: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь человек». Муз. Н. Г. Карташева.

Исп. хор любителей и оркестр муз. О-ва, под управлением автора, при участии солистов Р. Я. Рублевой, Н. П. Сампсонова, Д. М. Тарасова, Н. П. Покидина.

2. Ломоносов как естествовед. Речь Ф. В. Архипова.

3. «Сон и хандра Ломоносова». Стих. Полонского. Прочт. С. С. Александров.

4. Стих. Майкова. Прочт. А. Н. Николаевская.

5. Национальный гимн.

И звучали в зале Думы, среди архангельского бомонда, среди офицерства в кокардах, среди чиновников, среди бородатых купцов и надушенных дам малопонятные строки:

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Что думала вся эта публика, слушая Ломоносова? Бог весть.

* * *

Несколько далее – Новый архиерейский дом (№23). Правда, несмотря на молодежное название, этот архитектурный памятник возник еще до статуи Михайлы Ломоносова – в 1819 году.

Еще далее (дом №34) – здание Духовной консистории, построенной примерно в то же время. Это серьезное учреждение было призвано решать насущные церковные дела. Вот, например, один из документов, которые рассматривались тамошними важными чиновниками: «По указу Его Императорского Величества Святейший правительствующий Синод слушали два предложения господина синодального обер-прокурора, действительного статского советника и кавалера Степана Дмитриевича Нечаева, из коих первым (4-го минувшего мая) по донесению секретаря Орловской консистории, доводя до сведения святейшего Синода, что в день Святыя Пасхи орловской епархии в церкви села Пониковца убит упавшею с иконостаса резною иконою крестьянин помещичий, предлагал, не благоугодно ли будет Святейшему Синоду сей случай сделать известным по епархиям с тем, чтобы принято было надлежащее попечение об отвращении таковых случаев. А вторым (5-го мая) объявили Святейшему Синоду к надлежащему распоряжению, что по всеподданнейшем им господина обер-прокурором докладе об оном происшествии государю императору, Его Императорское Величество соизволил изъявить высочайшую волю избегать в украшении иконостасов резных изображений над оными, так как оне, кроме опасности, которая иногда может произойти от ветхости их, бывают обыкновенно изваяны весьма худо, без соблюдения надлежащей правильности и приличия. По справке приказали: Как об означенном несчастном случае, так и о последовавшей по поводу того высочайшей воле, для должного по оной исполнения, всем подведомственным Святейшему Синоду местам и лицам дать знать печатными указами с тем, чтобы согласно предложению господина синодального обер-прокурора, ныне же принято было надлежащее попечение об отвращении таковых случаев. И для того с резолюции его преосвященства приказали: с прописанием указа Святейшего Синода послать таковые ж указы во все духовные правления, во все монастыри, в экономическое его преосвященства правление и благочинным: самоядских церквей и архангельской округи с таковым предписанием, чтобы на состоящие резные иконы было обращено особенное внимание, – не можно ли уничтожить оныя, или не нужно ли укрепить? Августа 28 дня 1835-го года».

* * *

Рядом – очередной архитектурный памятник, бывший дом купца Якова Белявского. Яков Андреевич сызмальства был приставлен к делу, а будучи еще совсем молодым человеком добился кредита у такой знаменитой компании, как «Ротшильд и сын». «Попутно я по пору-

чению отца и Архангельских торговцев продавал в Англию, Голландию и Францию пек, скипидар, звериное сало, тюленьи кожи и замшу».

Дело Белявских постепенно ширилось. «Мой отец был малограмотным. Один делом руководить не мог. И тогда, в 1885 году, мы основали фирму „Торговый дом Андрей и Яков Белявские“. С этого времени мы с отцом торговали смолой, пеком, скипидаром, тюленьим жиром и кожами, льном, куделей, овсом, льняными семенами, рогожей и куриными яйцами. У нас была своя паровая мукомольная мельница. На внутреннем рынке мы широко торговали мукой и хлебом».

Дальнейшая судьба предпринимателя была печальной и, увы, типичной. Но зато со счастливым концом. На него в «чрезвычайку» поступил донос: «Яков Белявский был одним из главных организаторов добровольного ополчения. Он заставил записаться в него своего кучера, работников, дворника... Затем, почуяв беду, ушел из национального ополчения... И этому белому гаду дали должность во Внешторге».

Почему-то его выпустили под подписку о невыезде. Но видимо, Яков Андреевич не очень дорожил своей «должностью во Внешторге» и спустя несколько месяцев благополучно перебрался в Лондон (благо в портовом городе с этим было гораздо проще).

Правда, в официальную историю Архангельска дом бравого купца вошел тем, что здесь жил в советское время жил писатель Аркадий Гайдар. Он на протяжении четырнадцати месяцев работал тут, в краевой газете под названием «Волна». Один из сослуживцев знаменитого писателя, А. Симаков вспоминал об авторе «Тимура и его команды»: «Однажды в дверях просторной комнаты отдела информации... появился довольно-таки плотный, выше среднего роста человек в полувоенном костюме, в модных в то время крагах. Привлекали внимание не столько его фигура, сколько лицо. Круглое, что называется, русское лицо с добродушной полуулыбкой, с добрым прищуром открыто смотрящих глаз.

– Гайдар, – так коротко гость познакомился с нами. И тут же заговорил, как работает, давно ли каждый из нас в газете, как нравится это дело... Он стал для нас, молодых газетчиков, и другом, и учителем».

Писатель был непредсказуем. Коллега Гайдара Рувим Фраерман, автор знаменитой повести «Дикая собака Динго или повесть о первой любви» о нем вспоминал: «Гайдар на минуту выходит из дому, чтобы купить к мясу соленых огурцов, и возвращается... через три недели. Но зато он приносит домой совершенно блестящий очерк о весеннем сплаве леса.

Оказывается, на базаре он встретил артель плотовщиков, увлекся их рассказами и пошел вместе с ними на пристань. Они должны были сесть на пароход и отправиться вверх по реке на сплавные работы. Неожиданно Гайдар просит их принять его к себе в артель. Они соглашались, и Гайдар уезжает с ними на пароходе.

Как простой лесоруб и сплавщик... работает Гайдар на плотях, багром собирает бревна, варит пищу на берегу, участвует в артельных делах. По вечерам его, как и всех, едят комары, по ночам мучит холод. Но зато предмет своего очерка он знает лучше, чем кто-либо другой.

Очерк печатается в газете и пользуется необыкновенным успехом»

В то время Гайдар был мастит. Позволял себе многое. В частности, как-то раз после очередной такой командировки он вписал в финансовый отчет несколько, мягко говоря, сомнительных пунктов: «Проиграно сплавщикам в карты», «Выпито со сплавщиками водки».

Когда его (что было неизбежно) вызвали на ковер к главному редактору, Гайдар спокойно произнес:

– Это производственные расходы. Чтобы написать стоящий очерк, мне пришлось зачислиться в бригаду. Чтобы не быть белой вороной, пришлось играть в карты. Играю я плохо, и потому, естественно, проигрывал. Вопрос компенсации считаю принципиальным!

Деньги Гайдару были выданы.

* * *

А перед всеми этими достойнейшими достопримечательностями – площадь Профсоюзов, на которой некогда предполагалось первый в городе каменный театр. Его построили по инициативе здешнего наместника, графа Ивана Ливена, а назывался тот театр, по моде той эпохи – «Оперный дом». Ливен обратился с соответствующей просьбой к губернатору Тутолмину: «Учащиеся, происходя большей частью от граждан бедных и никакой связи с просвещенным обществом не имеют... не изыскивая особенных в отвращении сего недостатка в просвещении юношества остается только... согласиться со мнением всего просвещенного света, что в уврачевании сего природного в юношестве недостатка необходимое и так сказать средство есть театр... Посещая театр для своего увеселения, они увидят изображение великих мужей, жертвующих собою государю и отечеству, предпочитающих правду с честностью всем пользам и преимуществам».

Тутолмин вынес свой вердикт: «На пользу обучающихся в народных школах юношества учредить в сем городе небольшой театр... Для построения театра назначить площадь, находящуюся на так называемом втором пожарище».

Здание театра так и не доделали – еще до завершения строительных работ его отдали под другое учреждение – Хлебный магазин. Но мечта о театре осталась у жителей города в памяти – бывшую площадь Второго Пожарища долгое время называли Оперной, хотя ни одной оперы там сыграно и не было.

* * *

Здание по адресу Набережная Северной Двины, дом №47 славен тем, что его чертежи утверждал сам святой праведный Иоанн Кронштадский. Дело в том, что здесь располагалось подворье Сурского Иоанно-Богословского монастыря, основанного этим знаменитым батюшкой в своем родном селе Суре.

И здесь действовал один из лучших ресторанов города Архангельска с довольно неожиданным названием «Бар». Реклама кричала: «Знаменитый ресторан-гостиница „Бар“! Только у нас бокал мюнхенского, пльзенского пива за 10 копеек! Отдельные уютно обставленные номера с телефоном и ванной. Бильярды фабрики Фрейнберга – только для вас! Ежедневно играет дамский струнный оркестр под управлением Жозефины Матыс!».

10 копеек за бокал – конечно же, обычная рекламная приманка. «Бар» был местом не дешевым, и обычные архангелогородцы обходились без концерта дивы Жозефины.

Кстати, помимо всего прочего Архангельск очень привлекателен в смысле еды. В здешних ресторанах и кафе можно попробовать всякие чудеса северной кухни (копченую, к примеру, оленину), то и дело встречаются самодельные квасы и морсы, а также целебный поморский бальзам. Все это, можно сказать, тоже историческая достопримечательность Архангельска.

Один из иностранных путешественников, – некто Корнелий де Бруин, – весьма критически описывал Архангельск. «Улицы здесь покрыты ломаными бревнами». «В городе множество полусгоревших домов». «В продолжение зимы в... церквах служение не совершается по причине весьма жестокого холода в них».

Зато когда заезжий наблюдатель дошел до еды, тон его сразу поменялся: «Что до предметов жизненной необходимости, то они находятся здесь в изобилии. Много живности и чрезвычайно дешевой».

И дальше – подробнейший смачный доклад: «Пара куропаток стоит четыре штивера... Водится здесь и два вида тетеревов... Зайцев там множество... Много там и уток, и, между прочим, одна порода их называется гагарой... Мясо здесь также в изобилии... Здесь всякий имеет индеек в своем дворе».

Особая статья – водная «живность». «Реки здесь богаты рыбою. Окуней здесь так много, что ими можно накормить 20 человек за каких-нибудь 20 штиверов.

Лучше окуней караси, которые чуть поменьше, но вкусом преотличные. Я не думаю, что окуни водятся в нашей стране (в Голландии – АМ.), и поэтому несколько окуней заспиртовал, чтобы привезти в полной сохранности домой.

Щуки здесь весьма отменны, также, как и превосходные угри, особый вид рыбы, похожий на наших вьюнов. Множество корюшки, пескарей, стерляди, камбалы, мерлана, палтуса и еще темноватой рыбы, которые туземцы (то есть, жители Архангельска – АМ.) называют «хариус». Вкус хариуса удивительный, он почти такой же величины, как треска.

Излишне было бы говорить о лососе, который, как всякому известно, высылается отсюда соленым и копченым к нам и в другие страны. Здесь находится еще белая лосось, которую русские называют «мельма», и которую получил я в сушеном виде. Я видел одну такую рыбу: она очень походила на икру.

Мясо здесь также в изобилии. Лучшей говядины можно купить за один штивер фунт; ягненок около 10 гедель стоит 15 штиверов; теленок такого же возраста – от 30 до 40 штиверов, смотря по времени года.

Здесь всякий имеет индеек в своем дворе, с полдюжины цыплят и один гусь стоят от 6 до 8 штиверов.

Пиво здесь превосходное, но продавать и варить его воспрещается без особого на то разрешения Великого Князя. Разрешение это дается за известную ежегодную плату. Местные жители, однако же, могут варить пиво для своего потребления в том объеме, сколько нужно для семьи, уплачивая по 50 штиверов за бочку солода. Некоторые лица освобождаются от такой платы.

Сюда привозят вино и водку из Франции морем, но французская водка очень дорога по причине большой таможенной пошлины. Русские не заинтересованы в завозе иностранной водки, поскольку в этой стране гонится своя водка из хлеба, которая очень хороша, и цены на нее умеренные. Иностранцы, кроме русской водки, не пьют никакой другой».

Видимо, немало штиверов потратил три столетия назад Корнелий де Бруин на всякую архангельскую невидаль. Но шли десятилетия, Архангельск развивался, делался все больше европейским городом, а значит, постепенно утрачивал свою причудливую самобытность.

Правда, город продолжал носить славу одной из рыбных столиц государства. Поэт Владимир Филимонов (бывший, кстати, одно время здешним губернатором) описывал роскошный стол:

Вот из Архангельска навага,
Вот жирный стрепет с Чатырдага...

Но все равно, столетие тому назад уже не каждый разводил индеек, зато в центре города действовали вполне цивилизованные общепитовские точки, наподобие того же «Бара».

Впрочем, простые обыватели по ресторанам не ходили. Они сидели по своим домам и с удовольствием ели козули (расписные пряники в виде животных), шанги (своего рода ватрушки с разными начинками) и ту же оленину. И, конечно же, блины. Их тут также выпекали по особому: «А в жаркой кухне мы нашли бабушку, в фартуке, с раскрасневшимся от жара лицом. Она пекла блины. Рядом с плитой на табуретке стояла большая емкость с тестом, в другой было растопленное масло. Длинный ряд маленьких чугунных сковородок с толстым дном выстроился на плите. Бабушка работала сосредоточенно, ее руки так и мелькали с одного конца к другому. На каждую сковородку наливалось немного масла, затем тесто. К тому времени, когда оно налито в последнюю сковородку, приходило время переворачивать блин на первой, а когда все были перевернуты, с первой сковородки можно было снимать готовый блин и класть

его на шесток. Бабушка снова и снова повторяла все операции, пока не появлялась горка золотистых тонких блинов, не тяжелых и не жирных, а полупрозрачных и очень вкусных. Их уносили на стол и немедленно начинали есть, несколько слоев сразу. На столе – миски со сметаной, икрой, большой выбор варений из диких ягод».

Кстати, подобные изделия в Архангельске возникли по велению Петра Великого. Однажды он спросил у земляка Корнелия де Бруина, шкипера, где ему больше нравится – в Архангельске или же в Петербурге.

– Всем бы здесь хорошо, – ответил шкипер, – да нет оладьев.

Тогда царь отдал распоряжение – готовить для голландских шкиперов олады.

Несколько необычным был в Архангельске и постный стол. «За масленицей начался великий пост. Глубоко верующие люди следовали всем его жестким предписаниям, но обычная семья, вроде нашей, выполняла лишь некоторые из них. В дни поста вместо масла и животного жира на кухне использовали растительное масло. Избегали яиц. Рыбные блюда, которые очень популярны в этом краю рыбаков, заменяют мясо и дичь. И чтобы не угнетала монотонность 49-дневной диеты, изредка разрешались послабления в виде оленьей лопатки или жареного глухаря в брусничном соусе».

С наступлением советской власти кулинарный колорит Архангельска стал еще менее заметен. Новое время – новые застолья, новый общепит.

В советской пивной так красиво
С бубенцами играет баян.

Однако самобытность региона все же сохранилась, и была даже отражена в художественной литературе. «Остап со своей стороны заверил американцев, что аппарат его конструкции дет в день ведро прелестного ароматного первача.

– О! – закричали американцы.

Они уже слышали это слово в одной почтенной семье из Чикаго. И там о «pervatsch'e» были даны прекрасные референции. Глава этого семейства был в свое время с американским оккупационным корпусом в Архангельске, пил там «pervatsch», и с тех пор не может забыть очаровательного ощущения, которое он при этом испытал».

(И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок».)

* * *

В доме №55 в двадцатые годы располагался клуб водников. Это учреждение было интересно тем, что здесь, в одном из центров социалистической идеологии проходили абсолютно буржуазные по духу акции. Вот, например, реклама 1924 года: «Последний в сезоне концерт хора Петровского... в лучших номерах репертуара. По окончании концерта последний в сезоне грандиозный костюмированный бал-маскарад. Приз за самый оригинальный костюм, балетные танцы, кабаре в публице, киоски, беспроегрыш. лотерея, сюрпризы, буфет. Танцы до 5 ч. утра».

Не исключено, что кто-нибудь из масок даже нарядился Лениным, скончавшимся несколько месяцев тому назад.

* * *

В доме №61 располагался городской театр. Он был открыт в 1855 году (в честь чего нынешнюю улицу Володарского, в то время Горихвостовскую, расположенную рядышком переименовали в Театральную). Надежды на театр возлагались смелые. «Губернские ведомости» прогнозировали: «Театр должен оттянуть нас от чарки, карт, сплетен и всякой иной провинциальной мелочи».

Странные формулировки – ведь театр был и сам «провинциальной мелочью». Здесь по большей части выступали маленькие труппы, тоже из провинции. К примеру, театр елецкого антрепренера П. А. Соколова-Жамсона. Кстати, один из лучших для своей эпохи. Современник писал: «Жамсон был исключением среди антрепренеров своего времени. Антрепризу содержал в полном порядке, всегда был в границах бюджета, дружил с актерами, аккуратно расплачивался с ними в конце сезона и на бирже появлялся с высоко поднятой головой».

Такое поведение антрепренера было редкостью.

Гораздо большую проблему, как ни странно представляла собственно архангельская публика. Один из современников писал: «При большом стечении народа в театре всегда случается какой-нибудь беспорядок... кто-нибудь из посетителей райка выпьет, произведет маленький дебош и его уведут на свежий воздух для выздоровления. Но вот чтобы помехой ходу представления были посетители лож бенуара и бельэтажа, это мне пришлось наблюдать только в Архангельске».

Время шло. Театр ветшал. В 1910 году образовалась специальная Театральная комиссия, которая принялась всерьез исследовать проблему. Протокол ее не радовал: «Комиссия по обмену мнений единогласно пришла к заключению: ввиду весьма крупных затрат, требуемых на реставрацию театрального здания, и по некоторым другим соображениям ремонт театра не производить».

Принимая во внимание, что для Архангельска, как портового города с довольно значительным населением и к тому же представляющего далекую окраину цивилизованного и культурного мира, театр необходим, так как в зимнее время для жителей города Архангельска последний является почти единственным местом, где можно получить разумное развлечение, – комиссия полагает, что взамен устаревшего театрального здания необходимо выстроить новое, в центре города.

В этом случае комиссия рекомендует использовать угол Воскресенской улицы и Троицкого проспекта, против дома Костогорова, заняв всю площадь под здание театра... Здание старого театра комиссия полагала бы сдать под торговое помещение или иное в этом роде... а пока объявить конкурс на составление проекта плана и учредить премии в 300 и 200 рублей за лучшие проекты».

Но история распорядилась иначе. Этот театр действовал и при советской власти. В частности, в 1928 году здесь ставили комедию Катаева «Квадратура круга». Правда, газеты отнеслись к той постановке строго: «Советская комедия до сих пор еще находится в зачаточном состоянии и поэтому появление веселой и остроумной шутки В. Катаева сравнительно большое событие в репертуаре театра... Спектакль – халтура».

Не лучше вышла классика – пьеса «А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», сыгранная годом позже: «Это одна из пьес Островского, которая сохранила и сейчас интерес для современности. По всей стране идет чистка советского аппарата, бюрократов и подхалимов. В наш аппарат проникли либеральствующие Городулины, тупоумные консерваторы Крутицкие, стародумствующие бары Мамаевы... Это они боятся самокритики и чистки. В угоду им появляются люди вроде Глумова, которые умеют искусно маскироваться, угождать любому начальству... Только с этой, социально необходимой точки зрения мы должны подходить к пьесе. Была ли при постановке подчеркнута острота злободневности и сегодняшняя политическая значимость «Мудреца»? Нет!»

Приблизительно тогда же был организован и передвижной театр. Ее организатор, актер М. Корнилов о том вспоминал: «Бывало, приедем на лесозавод и играем в клубе «Коварство и любовь» Шиллера или еще что-нибудь. Народу в зале – даже проходы заняты, не пошевеливаться. Но вот закончен спектакль, и уставшие актеры сидят, разгримировываются. Все спешат домой. До города добираться не менее полутора часов. И тут приходит за кулисы делегация рабочих. – «Кто тут у вас старший, товарищи артисты?» – «Ну я старший. А что?» – «Просим

извинить нас, товарищ Корнилов, у нас смена кончила работу и на спектакль не попала. Очень хотят артистов посмотреть. Уж вы не откажите нам, сыграйте еще раз, рабочие просят.

Ну что делать? И домой пора бы ехать, время-то к полуночи, и рабочим отказать не хочется. И я обращаюсь к актерам: «Ну что, товарищи, сыграем еще раз пьесу рабочим?» И снова мы надеваем парики и гримируемся. Снова идет спектакль. Около трех часов ночи закончили. Усталые, но довольные возвращаемся домой. Прежде чем ехать, надо собрать декорации и погрузить на катер. Делали это сами артисты, иногда с помощью зрителей. И уже под утро, кое-как подремав на катере, приезжаем домой. И так изо дня в день: спектакли, переезды, репетиции».

Да, энтузиазм актеров здесь играл большую роль. Но и страх, что тебя обвинят в саботаже немало способствовал тем трудовым театральным порывам.

* * *

Рядом, на углу с Поморской улицей стоит бывший дом купчихи Екатерины Плотниковой. Она была дама незаурядная – первый этаж сдавала под кафе и магазины, а во втором, жилом устроила себе копию интерьеров царскосельского Екатерининского дворца.

А в соседнем здании предпринимательница открыла кинотеатр «Эдисон». Пресса об этом новшестве писала: «Электротеатр „Эдисон“ производит неизгладимое впечатление на архангелогородцев нарядным партером, красивым балконом, богато убранными ложами, шикарной мебелью и щедрым буфетом в фойе. Электротеатр рассчитан на 466 мест».

* * *

Далее же, в Банковском переулке расположен бывший дом Банковской конторы. Здесь, в портовом городе госбанк был больше, чем простой госбанк. Чего стоит одно только «Клятвенное обещание», которое подписывали все без исключения сотрудники этого важного учреждения: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом и перед святым его Евангелием в том, что... должен его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Александру Павловичу (Банковская контора здесь открылась в 1819 году, при Александре Первом – АМ.) самодержцу Всероссийскому... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... Всякую мне вверенную тайность крепко хранить и положенный на мне чин... надлежащим образом по совести своей исправлять, а для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать... В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

Даже в наши дни в Архангельске можно купить задешево что-нибудь вполне приличное и европейское. Обмана никакого нет, дело не в том, что «турцию» тут продают за «англию». Просто в портовом городе всегда было довольно много так называемого северного товара. А отношения архангельских купцов с их иностранными коллегами издавна были очень даже не простыми.

Публицист Н. Лейкин изумлялся, глядя на архангельское торжище: «На базаре главным образом лавчонки с берестяными бураками, кусками холста ручной работы и пряжи для рыболовных сетей; свежих овощей не... видно никаких. Овощи здесь очень поздно созревают. Парники только при богатых обывательских домах. Зато мяса и в особенности рыбы много!»

Другой же стороной архангельской торговли было обилие в городе иностранных купцов. Еще во времена Петра Великого был издан примечательный указ: «О взимании пошлин на Архангельской ярманке с покупки товаров оптом и в отвоз, по 10 денег с рубля, о нетребовании пошлин с мелочной продажи товаров из лавок с покупки для собственного употребления и с передачи из лавки в лавку и о возвышении цены при продаже товаров иностранцам, дабы тем вознаграждать покупную пошлину, которую они платить не соглашаются».

Все более чем очевидно. Иностранцы живут по одним законам, а россияне по иным. В заморских землях одни цены, а у нас другие. Государство всячески старалось получить от этого как можно больше прибыли. Те же интересы были у российского купца. Интересы сталкивались.

Государство было, разумеется, сильнее. Оно могло, к примеру, издавать законы и карать за их несоблюдение. Самым радикальным из таких законов был полный запрет на торговлю с иностранцами – в Архангельске практиковались и такие меры.

В свою очередь купец был иной раз хитрее государства и законы обходил.

Эти игры велись вплоть до революции. А после революции настало время интервенции. Бывшие иностранцы принялись налаживать серьезно пострадавшую архангельскую экономику. Это было непросто, и власти заранее оправдывались перед народом: «Большевистская власть перед бегством из Архангельска успела вывезти денежные знаки на десятки миллионов рублей... Вследствие этого в распоряжении Верховного управления Северной области оказалось недостаточное количество средств на текущие расходы».

А поскольку в городе ходили как дореволюционные, так и большевистские дензнаки, новая власть стала пробивать «правильные» деньги с помощью специального компостера. Но, по словам современника, «в Архангельске эту меру встретили с большим возмущением, тем более что выполнение штемпелевки было поставлено безобразно, так как она проводилась в кратчайший срок и вызвала скопление публики, которая, часами простаивая в хвостах, подвергала принятую правительством меру самой озлобленной критике. Правда, вскоре обыватель нашел довольно простой выход из положения. Так как способ штемпелевки был очень простой и состоял в пробитии маленьких отверстий... то приступили к перфорации домашним способом при посредстве шпилек и булавок, причем „перфорированные“ таким образом деньги, даже при самой грубой подделке, имели свободное обращение».

Простой архангелогородец, привыкший то и дело надувать свое родное государство, справился с заморской хитростью, что называется, шутя.

Была попытка завезти новые деньги из Западной Европы. Посол Франции Нуланс писал: «В начале октября в Архангельске высадился высокий, худощавый, загорелый человек, называющий себя билль-брокером из Лондона, г-н Харвей. Его багаж состоял из денежных знаков, которые были напечатаны в Англии в такой спешке, что забыли удалить с них императорскую корону, фигурирующую на старых рублях. Господин Линдлей (английский консул в Архангельске – АМ.) заметил это упущение, и в последний момент было решено сделать оттиск, который затушует царскую эмблему. Что касается изображения Екатерины Великой, то его заменили на изображение госпожи Харвей... Г-н Чайковский (глава правительства Северной области – АМ.), финансовые трудности которого были столь серьезны, что он не мог выплатить зарплату управленческому аппарату и железнодорожникам, пришел ко мне поделиться своей радостью со слезами на глазах от переполнявших его чувств.

– Наконец, – сказал он мне, – у нас будут деньги, эквивалентные золоту, и правительство будет иметь свою собственную сумму, которой оно сможет распоряжаться по-хозяйски».

Впрочем, другой современник, генерал Айронсайд, выдвигал свою версию происходящего: «Когда купюры прибыли, было обнаружено, что они были отпечатаны со старых имперских печатных форм и что двуглавый орел увенчан коронами. Правительство отказалось пустить их в обращение в таком виде из страха перед пропагандой, которую могли развернуть большевики. Пришлось изготовить резиновые штампы и на каждой купюре – вплоть до пятидесятикопеечной – уничтожить изображение корон перед выпуском в обращение. Это стоило громадных усилий и привело к отсрочке распространения новых купюр. Введение британского рубля сильно обесценило другие деньги, особенно царские, которые были накоплены у многих людей».

Может быть, эта неразбериха с дензнаками была главной причиной, по которой в Архангельске в конце концов установилась советская власть.

* * *

Неподалеку же (дом №79) разместился музей под названием «Портрет в старинном интерьере». Музеев в Архангельске и в его окрестностях много. Некоторые из них (к примеру, Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства в Малых Корелах) известны на всю Россию и за пределами нашего государства. Как правило, туристы осматривают Краеведческий музей (его экспозиции находятся на площади Ленина, 2 и в помещении гостиного двора на набережной Северной Двины, 86), музей изобразительных искусств Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (площадь Ленина, 2) и Государственный Северный морской музей (набережная Северной Двины, 80). Но город интересен не только этими достаточно известными и крупными музейными формированиями, но и множеством маленьких музейчиков, которые путешественник встречает совершенно неожиданно во время прогулок по Архангельску.

Один из них – выставочный комплекс «Портрет в старинном интерьере». Портрета здесь больше, а интерьера значительно меньше. То есть, в соотношении количественном пропорция, может быть, и выдержана, но к интерьерам как-то доверия меньше. Например, в столовой странным образом встретились венская мебель, китайская ширмочка и другие не особенно сочетаемые экспонаты.

Впрочем, не исключено, что в этом и состоит историческая подлинность экспозиции. Вряд ли обычные архангелогородцы были специалистами по интерьеру. Вероятнее всего, в домах поморских обывателей как раз и совмещались всевозможные несовместимые предметы мебели. Главное, чтобы покрасивее и побольше.

* * *

Дальше по набережной начинается Петровский парк, он же – городской парк культуры и отдыха. Проблема этого самого культурного отдыха стояла перед жителями города еще в позапрошлом столетии. Губернатор Качалов писал: «Озабочиваясь всевозможным уменьшением в народе пьянства и имея в виду, что на развитие его главным образом влияет недостаток развлечений для рабочего класса, я полагал бы необходимым устроить на одной из городских площадей во время праздников Рождества Христова, Масленицы и Св. недели народные гулянья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.